

Когда небо потемнело, Дени обратилась к Агго: "Тот, кто задержал Одо, дай рабу-овце немного еды и отпусти их одних".

Агго настороженно посмотрел на овцу, которая шарахнулась в сторону. Раб сказал: "Кхалиси, овечий народ ненавидит нас, теперь они знают наше положение, они могут привести большую армию овечьего народа, чтобы окружить и подавить нас.

Овечий народ труслив, но не глуп. Я откажусь от этой крайне редкой возможности".

Этот Агго молод, но его ум неожиданно дотошен, Дэни удивленно взглянул на него и пояснил: "Идя ночью, как далеко они смогут зайти? Вернуться к берегам реки Лхазар завтра днем было бы быстро, но мы отправимся завтра утром".

"Лучше просто убить их". Агго хмыкнул и ушел.

Когда заходящее солнце опустилось на горизонт, овцеводы с удивлением узнали о своем свободном отъезде.

Но кремация началась не сразу.

Группа дотракийцев смотрит круглыми миндалевидными глазами, выискивая в ночном небе добрые предзнаменования.

Всякий раз, когда умирает поколение Повелителя Всадников, его лошадь тоже погибает и хоронится вместе с ним.

Это означает, что он сядет на коня и галопом помчится в царство ночи.

Пока их тела будут кремироваться под небом, Кхал выедет на пылающем коне и станет звездой небес.

Чем сильнее горит труп, тем сильнее светится его созвездие в темноте.

Поэтому, прежде чем разжечь костер, нужно найти созвездие, которое олицетворяет их собственного кхала - это не может быть дневная звезда, это должно быть аномальное небесное тело, которое появилось только сегодня, потому что кхал был похоронен сегодня.

Это немного затруднительно, как можно так легко найти другое небесное тело?

Дотракийцы сидели на земле, смотрели и смотрели в небо, и Дени почувствовала себя неловко.

Если она прожила в этом мире больше десяти лет, то могла бы просто найти менее заметную звезду, чтобы обмануть их.

Но прошло не так много времени с тех пор, как она пришла сюда, а ее предшественница не разбиралась в астрологии - по крайней мере, лучше не пытаться обмануть кочевников, которые каждый день смотрят на звезды, гм, дотракийцев ей не обмануть.

"Каждый ли кхал находит свою звезду?" - спросила она пожилого дотракийца.

"Конечно, великий Дрого - двенадцатый кхал, которому я служил. Я своими глазами видел, как одиннадцать предыдущих кхалов, среди которых был и отец кхала, скакали на огненных конях и превращались в сияющие звезды". "Старик увидел, что кхалиси разговаривает с самим собой лично, и так разволновался, что его темное старческое лицо покраснело, как у пьяного.

Сколько тебе лет? Двенадцать?

пожаловалась Дени, но в то же время втайне вздохнула, что многие герои на Травяном море попали в Царство Ночи, и они тоже падают, как метеоры.

"Сколько обычно приходится ждать?" - снова спросила она.

"Кхалиси, еще рано, по крайней мере, до второй половины ночи", - рассмеялся старик, его губы потрескались, как сухая апельсиновая корка, обнажив сломанный гнилой зуб, а на уродливом старом лице появилось подобие дружелюбной улыбки: "Однажды мы просто нашли звезды, чтобы зажечь дрова, и после целой ночи ожидания выглянуло солнце!"

Дэни понимает, что это соревнование на выносливость.

Когда все устали, голодны и голова кружится, зрение затуманено, а дух еще и в трансе, даже если видишь Луну, ее можно принять за чужую звезду Кхал.

"Нашел, там!" - раздался взволнованный голос, это был Ракхаро.

Дэни посмотрела в том направлении, куда он указал, и в низком восточном небе обнаружила комету красного цвета, красного цвета крови, красного цвета огня, похожую на дракона, дышащего пламенем.

Это определенно странно, и я не мог бы просить о более сильном предзнаменовании.

"Хе-хе, Двенадцатый!" - засмеялся старик.

"Плесни масла". громко приказал Дэни.

Кувшины с кунжутным, касторовым и рапсовым маслом полились на тело Дрого, на Хагго, Кото и других тоже, масло пропитало шелковые одеяла, ветки и тюки сена, просочилось в дрова внизу. В воздухе разлилось сладкое благоухание.

"Свяжите Маэги и бросьте в огонь", - повторила Дени.

Мирри Маз Дуур до этого пряталась в толпе, молча наблюдая за возведением костра, и первоначально думала, что все закончится, когда Джако принесет голову младенца.

И хотя она немного сожалеет, что не может отомстить сама, но, увидев эту юную головку, в общем-то, довольна.

Как же мне это в голову не приходит, - серебряноволосая женщина неожиданно для самой себя приказала принести огненную жертву.

"Нет, нет, нет, Серебряная Леди, Кхалиси, пожалуйста, послушайте меня..." Маэги увернулась от схватившего ее Агго, и, борясь, бешено закричала: "Я спасла леди Лилит, вы велели наградить меня! Я также спела для тебя Песню Родов и помогла тебе родить здорового сына! Ты не можешь так поступить со мной! Это неразумно! Это безумие... свуш ву..."

Где же противник Маэги, Агго после нескольких слов не может сдвинуться с места.

"Принесите и мое драконье яйцо", - приказала Дени служанкам, и что-то в этих словах побудило их убежать.

Джорах, побледнев, шагнул вперед и схватил ее за руку: "Ее высочество принцесса, Дрого не нужны драконьи яйца в Ночной стране, лучше добыть их у Асшая и продать, достаточно продать одно, и нам хватит, чтобы купить большой корабль и вернуться в Вольные города. А богатства, вырученного за продажу трех, тебе хватит на всю жизнь".

"Разве у меня мало денег?" с улыбкой сказала Дени Ок.

Джорах не смог рассмеяться, он поперхнулся, крепче схватил ее за руку и, казалось, хотел вырвать принцессу из рук Бога Смерти: "Принцесса, я знаю, смерть принца Рэго - большой удар для тебя.

Даже если ты стараешься не показывать печали при посторонних, я знаю, что твое сердце вот-вот захлебнется слезами, а тяжелые страдания вот-вот раздавят твой позвоночник. Но у тебя еще есть..."

Он покраснел и уже собирался произнести вслух слова любви, превосходящие праведностью монархов и министров, как в следующий момент был потрясен, увидев, как один за другим вокруг него зашевелились круглые миндалины. Потупив глаза, он удрученно произнес: "Но тебе всего 14 лет, в будущем бесчисленное количество лет, и может быть бесчисленное количество Сыновей и Дочерей".

"Успокойтесь, сир, не забывайте, что в моих жилах течет драконья кровь". Дени смущенно отдернула крепко сжатую руку и прошептала с укором: "В прошлый раз я думала, что Визерис, как и я, никогда не умрет от расплавленного золота. Оказывается... он не дракон!"

Джорах молча отпустил Дени, догадываясь, что она имеет в виду, и наблюдая за тем, как три драконьих яйца, переданные служанкой на руки Агго с помощью Ракхаро, шаг за шагом поднимаются на костер Дрого.

Дени махнула дотракийскому воину, чтобы тот уходил, положила белое драконье яйцо на грудь Дрого, закрепив его двумя руками, сама обняла черное драконье яйцо и легла рядом с Дрого, зеленое драконье яйцо Яйцо поместилось между ними.

"Значит, ты сумасшедший". Маэги, которая была в ловушке рядом с ней, увидев, что Дени закончила все движения, странно сказала с улыбкой: "Бесконечная боль свела тебя с ума, хахаха, так оно и есть.

Ты должна была принять мой совет раньше, обменять жизнь на жизнь, смерть на смерть, если Колдовство Крови оживит этого мясника, ты сможешь хотя бы спасти жизнь своего мужа, хахаха, теперь жалеешь об этом, хахаха..."

"Я убью тебя первым". Квото сбоку был в ярости, перевернулся и приготовился убить смеющуюся овцеводческую пиестессу.

"Остановись, я хочу, чтобы ее сожгли заживо", - остановила Котофея Дени.

Непокорный Всадник Крови на этот раз был необычайно послушен. Он не только не оскорбил Дени, но и смотрел на нее с таким уважением, какого не испытывал никогда прежде, и, казалось, был тронут ее "великим" поступком - погребением. ?

Или, думая, что они вместе вернутся в Страну Ночи, его кхал все же выберет ее в качестве кхалиси?

Дени повернулась к Мейги: "Ты забыла? В вашем храме, когда кхала впервые лечили от ран, Кохолло однажды сказал, что если кхал умрет, то умрешь и ты.

Я выполняю данное обещание. Независимо от того, имеет ли смерть кхала отношение к тебе или нет, он умер, и ты умрешь".

"Хахаха, точно, Кхал мертв. Маэги, которая помогла ему, должна умереть". Хагго от души посмеялся на другой стороне, перерезал себе горло ножом и, наконец, пробормотал: "Я... мы... все должны спуститься... чтобы сопровождать Ка. ..."

"Чи..." Со стороны Кото немедленно последовал свистящий звук кровавой стрелы, выпущенной из его горла.

"Они все ушли", - сказала Дени сложным тоном, глядя на красную Комету в конце неба.

Дрого упал с лошади. Когда пришло время, я решил за тебя сегодняшнюю концовку.

Не отрицай, что ты убил его и хотел принести его сына в жертву дьяволу... Что еще более жестоко, так это то, что ты сделал все это руками жены и матери".

"Хе-хе, ты умнее, чем я думал". Жрица не может отрицать этого, она гордится этим и говорит с улыбкой: "Но твой сын все еще мертв, этого достаточно, я завершила свою месть".

"Да, ты хочешь отомстить, это верно", - согласилась с ней Дени. У жрицы есть повод убить всех злодеев, посягнувших на ее родину: "Но как ты отплатишь мне за мою доброту, за то, что я спасла тебя?"

"Доброту?" Слова Дени, казалось, разожгли ее застарелый гнев, ведь жрица Лхазара, сделав глоток, задала вопрос, как бомбу: "Меня вытащили из храма бога, которому я поклонялась, дотракийцы, и группа мужчин ждала, чтобы надругаться надо мной.

Это не нормальный союз мужчины и женщины, со спины это похоже на спаривание кобеля с самкой. Это не нормальное сочетание мужчины и женщины.

Когда вы проезжали мимо, четвертый мужчина был внутри меня... как вы меня спасли?

Видеть, как горит храм моего бога, где я исцелила бесчисленное множество почитателей - тогда я была чистым лекарем, благочестивой жрицей, а не какой-нибудь маэги или магом крови.

Мой дом сожгли дотракийцы, и на улицах повсюду видны груды голов. Среди куч голов есть пекари, которые пекут для меня хлеб. Некоторые страдают от лихорадки мертвых глаз. Маленький мальчик...

Я до сих пор слышу, как конный Воин, размахивая кнутом, уговаривает детей уходить, и они громко плачут. Скажи мне, что ты спасла?"

Дени на мгновение замолчала, а потом ответила: "Я сделала все, что могла, Эроэх и те

женщины... Я спасла твою жизнь".

Кхалиси - не кхал, даже кхал не может изменить дотракийскую традицию "это известно", оригинальная Дейенерис может абсолютно точно сказать любому: у меня чистая совесть.

"Моя жизнь?" мрачно усмехнулась Мирри: "Посмотри на себя, в чем смысл жизни, если все хорошее, что у человека было, ушло?"

Что ж, всем кажется, что Дени умирает от горя, а ее лишенное выражения лицо просто безнадежно и оцепенело, как будто жизнь не имеет смысла.

"Бессмысленно, о чем ты меня умоляла?" насмехается Дени.

"Ты никогда не услышишь моих стенаний", - ответила Мирри.

<http://tl.rulate.ru/book/99663/3393175>